

Оглавление

Глава I. Три редактора	9
Глава II. Семейство Карбери	18
Глава III. «Медвежий садок»	26
Глава IV. Бал мадам Мельмотт	33
Глава V. После бала	45
Глава VI. Роджер Карбери и Пол Монтегю	49
Глава VII. Ментор	58
Глава VIII. Влюбленный	66
Глава IX. Великая железная дорога в Вера-Крус	73
Глава X. Успех мистера Фискера	81
Глава XI. Леди Карбери у себя дома	90
Глава XII. Сэр Феликс в доме своей матери	100
Глава XIII. Лонгстаффы	105
Глава XIV. Усадьба Карбери	114
Глава XV. «Не забывайте, что я его мать»	121
Глава XVI. Епископ и католический священник	130
Глава XVII. Мари Мельмотт выслушивает признание в любви ...	140
Глава XVIII. Руби Рагглиз выслушивает признание в любви	150
Глава XIX. Гетта Карбери выслушивает признание в любви	155
Глава XX. Обед у леди Помоны	165
Глава XXI. У них все бывает	170
Глава XXII. Принципы лорда Ниддердейла	181
Глава XXIII. Да, я баронет	188
Глава XXIV. Триумф Майлза Грендолла	198
Глава XXV. На Гровенор-сквер	206

Глава XXVI. Миссис Хартл	212
Глава XXVII. Миссис Хартл идет в театр	222
Глава XXVIII. Долли Лонгстафф идет в Сити	231
Глава XXIX. Отвага мисс Мельмотт	236
Глава XXX. Обещание мистера Мельмотта	243
Глава XXXI. Мистер Брон решил	252
Глава XXXII. Леди Монограм	260
Глава XXXIII. Джон Крамб	268
Глава XXXIV. Руби Рагглз слушается деда	279
Глава XXXV. Величие Мельмотта	284
Глава XXXVI. Опасения мистера Брона	293
Глава XXXVII. Совет директоров	298
Глава XXXVIII. Тревоги Пола Монтегю	309
Глава XXXIX. «Я и впрямь его люблю»	317
Глава XL. «Единодушие — залог успеха в такого рода начинаниях»	328
Глава XLI. Все готово	334
Глава XLII. «Сможешь ты собраться за десять минут?»	340
Глава XLIII. Сити-роуд	349
Глава XLIV. Грядущие выборы	360
Глава XLV. Мистеру Мельмотту не хватает времени	368
Глава XLVI. Роджер Карбери и два его друга	376
Глава XLVII. Миссис Хартл в Лоустофте	384
Глава XLVIII. Руби под арестом	395
Глава XLIX. Сэр Феликс готовится к путешествию	400
Глава L. Дорога в Ливерпуль	408
Глава LI. Что ты выберешь?	417
Глава LII. Последствия любви и вина	426
Глава LIII. День в Сити	433
Глава LIV. Министерство по делам Индии	443
Глава LV. Церковная благотворительность	453
Глава LVI. Отец Бархем едет в Лондон	459
Глава LVII. Лорд Ниддердейл вновь пытается удачу	467
Глава LVIII. Мистер Скеркум берется за дело	475

Глава LIX. Обед	483
Глава LX. Жених мисс Лонгстафф	491
Глава LXI. Леди Монограм собирается на прием	499
Глава LXII. Прием	504
Глава LXIII. Мистер Мельмотт в день выборов	514
Глава LXIV. Выборы	521
Глава LXV. Мисс Лонгстафф пишет домой	530
Глава LXVI. «Такой будет моя к вам вражда»	538
Глава LXVII. Сэр Феликс встает на защиту сестры	546
Глава LXVIII. Мисс Мельмотт объявляет свои намерения	553
Глава LXIX. Мельмотт в парламенте	561
Глава LXX. Сэр Феликс встречается во множество дел	571
Глава LXXI. Джон Крамб попадает в участок	579
Глава LXXII. «Спросите его самого»	587
Глава LXXIII. Капитал Мари	596
Глава LXXIV. Мельмотт приобретает друга	602
Глава LXXV. На Брутон-стрит	610
Глава LXXVI. Гетта и ее жених	619
Глава LXXVII. Еще одна сцена на Брутон-стрит	628
Глава LXXVIII. Мисс Лонгстафф снова в Кавершеме	636
Глава LXXIX. Переписка с Брегертом	643
Глава LXXX. Руби готовится идти в услужение	653
Глава LXXXI. Мистер Когенлуп покидает Лондон	660
Глава LXXXII. Настойчивость Мари	669
Глава LXXXIII. Мельмотт вновь посещает парламент	678
Глава LXXXIV. Оправдания Пола Монтегю	685
Глава LXXXV. Завтрак на Беркли-сквер	693
Глава LXXXVI. Встреча на Брутон-стрит	700
Глава LXXXVII. В Карбери	708
Глава LXXXVIII. Дознание	716
Глава LXXXIX. «Колесо Фортуны»	723
Глава XC. Страдания Гетты	733
Глава XCI. Соперницы	739
Глава XCII. И вновь Гамильтон К. Фискер	748

Глава ХСIII. Истинная любовь	756
Глава ХСIV. Торжество Джона Крамба	764
Глава ХСV. Свадьбы в семействе Лонгстафф	771
Глава ХСVI. Где «дикие ослы утоляют жажду свою»	778
Глава ХСVII. Судьба миссис Хартл	786
Глава ХСVIII. Судьба Мари Мельмотт	794
Глава ХСIX. Леди Карбери и мистер Брон	802
Глава С. В Суффолке	810
Примечания. <i>Е. Доброхотова-Майкова</i>	817

ГЛАВА I

Три редактора

Позвольте представить вам леди Карбери, которой в нашем рассказе предстоит сыграть заметную роль, когда та сидит за письменным столом в собственном кабинете собственного дома на Уэльбек-стрит. В ту пору леди Карбери проводила здесь много времени и писала много писем — и много чего другого. Она называла себя служительницей Литературы — всегда с большой буквы. О том, каково было это служение, читатель отчасти узнает из трех посланий, начертанных в то утро ее стремительным почерком. Леди Карбери была стремительна во всем, а в писании писем — особенно. Вот первое:

*Четверг,
Уэльбек-стрит
Любезный друг!*

Я попросила, чтобы первые оттиски моего нового двухтомника доставили Вам завтра, самое позднее в субботу, дабы Вы, если захотите, смогли поддержать бедную труженицу в следующем номере Вашей газеты. Поддержите бедную труженицу! У нас так много общего, и я самонадеянно позволяю себе верить, что мы друзья. Скажу без лести, что не только Ваша помощь будет мне полезнее любой другой, но и Ваша похвала польстит моему тщеславию, как ничья иная. Я почти смею думать, что мои «Преступные королевы» Вам понравятся. Очерк о Семирамиде получился по крайней мере живым, хотя мне пришлось исхитриться, чтобы представить ее виновной. Клеопатру я, разумеется, взяла у Шекспира. Ну и особа она была! Я не могла с полным правом объявить Юлию королевой, однако невозможно было обойти стороной такую пикантную личность. По двум или трем женщинам эпохи Империи

Вы увидите, как прилежно я штудировала Гиббона. Бедный Велизарий! С Иоанной я старалась как могла, но так и не сумела проникнуться к ней симпатией. В наше время ее просто заперли бы в приюте для умалишенных. Надеюсь, Вы не сочтете, что я чересчур ярко живописала Генриха VIII и его несчастную, хоть и грешную Говард. Анну Болейн я совершенно не выношу. Боюсь, что немного увлеклась, рассказывая об итальянке Екатерине, и очерк о ней получился слишком длинным, но, сознаюсь, она моя любимица. Какая женщина! Суций дьявол. Жаль, что не родился второй Данте и не создал для нее особого ада. Как прослеживается ее воспитание в жизни нашей Марии Стюарт! Надеюсь, Вы согласны с моим взглядом на королеву шотландцев. Виновна! Виновна во всем! В прелюбодеянии, в убийстве, в измене и во всем остальном. Впрочем, заслуживает жалости. Королева по рождению, воспитанию и замужеству, в окружении таких королей, как могла она не пасть? Марию-Антуанетту я не вполне оправдала. Это было бы неинтересно — и едва ли верно. И все же я клеймила ее, любя, целовала, бичуя. Надеюсь, британские читатели простят мне, что я не вполне обеляю Каролину, тем более что я вместе с ними осуждаю ее мужа.

Однако мне не следует отнимать у Вас время, посылая Вам еще книгу, хотя мне отрадно думать, что в эту минуту я пишу исключительно для Вас и более ни для кого. Прочтите это как добрый человек и будьте снисходительны. Или, скорее, любите меня как друг.

*Ваша благодарная
Матильда Карбери*

В конце концов, лишь немногие женщины способны подняться над трясинной того, что мы называем любовью, и стать чем-то большим, нежели игрушкой мужчины. Главный грех почти всех этих царственных грешниц в том, что они стали игрушкой, не будучи женой. Если нынче девушки читают всё, отчего старухе не написать хоть что-нибудь?

Письмо это, адресованное Николасу Брону, эсквайру, главному редактору уважаемой ежедневной газеты «Утренний завтрак», было самым длинным из трех, поскольку на него леди Карбери возлагала самые большие надежды. Мистер Брон был влиятельным журналистом — и любил женщин. Леди Карбери в письме

назвала себя старухой, но затем лишь, что прекрасно знала — никто ее такой не считает. Мы не утаим от читателя ее возраст, хотя сама она не открывала его даже ближайшим друзьям, даже мистеру Брону. Ей было сорок три, но она так прекрасно сохранилась и была так щедро одарена природой, что все еще могла считаться красавицей. И она пользовалась этим, не только чтобы усилить свое влияние, что естественно для всякой интересной женщины, но и с расчетом заручиться помощью в добывании хлеба насущного, столь ей необходимого. Чары свои она пускала в ход очень продуманно и осторожно — не влюблялась, не кокетничала напропалую, никому ничего не обещала, только улыбалась, и понижала голос, и поверяла свои маленькие секреты, и заглядывала мужчине в глаза, как будто между ними могла возникнуть загадочная связь, не препятствуя этому загадочные обстоятельства. Однако целью всегда было выманить у издателя высокий гонорар за посредственное сочинение или склонить редактора к снисхождению, когда достоинства написанного требовали суровости. Из всех своих литературных друзей она особенно рассчитывала на мистера Брона, а мистер Брон питал слабость к привлекательным женщинам. Здесь уместно будет привести краткий отчет о небольшой сцене, которая разыгралась между леди Карбери и ее другом примерно за месяц до приведенного письма. Леди Карбери хотела, чтобы мистер Брон опубликовал в «Утреннем завтраке» серию ее статей и заплатил за них по первому разряду, но подозревала, что оценивает он их довольно низко, и знала, что без особого расположения с его стороны не может рассчитывать на оплату выше второго, а то и третьего разряда. Поэтому она смотрела мистеру Брону в глаза и на миг задержала свою мягкую пухлую ручку в его руке. Мужчины в таких обстоятельствах бывают очень неловки и часто не знают, когда делать одно, а когда другое! Мистер Брон, расчувствовавшись, обнял леди Карбери за талию и поцеловал. Сказать, что леди Карбери возмутилась, как возмутились бы на ее месте многие дамы, значило бы выставить ее в превратном свете. Такой пустяк мог повредить ей лишь в одном случае — если бы рассорил ее с полезным человеком. Ее стыдливость не была задета. Она вовсе не чувствовала себя оскорбленной. Ее не убудет, если только сразу убедить старого любвеобильного осла, что так не пойдет.

Не затрепетав, не покраснев, она высвободилась из его объятий и произнесла великолепную маленькую речь:

— Мистер Брон, как дурно, как некрасиво, как глупо! Вы же не хотите погубить нашу дружбу!

— Погубить нашу дружбу, леди Карбери! Конечно нет!

— Тогда отчего вы себе такое позволили? Подумайте о моих сыне и дочери, уже взрослых. Вспомните о моих прошлых незаслуженных страданиях. Никто не знает о них лучше вас. Подумайте о моем добром имени, которое столько чернили, но так и не смогли опорочить! Скажите, что сожалеете, и все будет забыто.

Мужчине, поцеловавшему женщину, неловко в следующий миг заявить, что он сожалеет, — это будет выглядеть так, будто поцелуй не оправдал его надежд. Мистер Брон не мог выразить раскаяния, и, возможно, леди Карбери не вполне этого ждала.

— Я ни за что на свете не хотел бы вас оскорбить, — сказал он.

Извинения вполне удовлетворили леди Карбери; она снова посмотрела ему в глаза, и мистер Брон пообещал напечатать ее статьи — за щедрый гонорар.

Леди Карбери осталась в целом довольна встречей. Разумеется, борьба за существование не обходится без мелких неприятностей. Дама, берущая кэб, вынуждена мириться с грязью и пылью, от которых избавлена ее богатая соседка, разъезжающая в собственном экипаже. Она предпочла бы, чтоб ее не целовали, но что за печаль? Мистера Брона происшествие задело куда сильнее. «Чтоб им всем! — пробормотал он себе под нос, выходя из дома. — Никакой опыт не научит их понимать». Идя прочь, он почти думал, что леди Карбери ждала второго поцелуя, и почти корил себя за робость. С тех пор они виделись три или четыре раза, но он не возобновлял своих поползновений.

Перейдем теперь к двум следующим письмам. Оба предназначались редакторам других газет. Адресат второго, мистер Букер из «Литературной хроники», был знаток литературы, очень усердный, отнюдь не обделенный талантом, влиянием и честностью. Однако житейские трудности и компромиссы, к которым его мало-помалу вынуждали, с одной стороны, требования издателей, думающих только о выгоде, с другой — натиск собратьев-литераторов, привели к тому, что он занялся поденщиной, при которой трудно оставаться разборчивым и почти невозможно сохранять

литературную честность. Сейчас это был лысый шестидесятилетний старик, обремененный множеством дочерей, из которых одна, вдова с двумя малолетними детьми, находилась полностью на его иждивении. В «Литературной хронике», которая его трудами стала приносить хорошую прибыль, он получал пятьсот фунтов в год, а кроме того, писал в журналы и чуть ли не каждый год публиковал очередную книгу. Ему удавалось оставаться на плаву, и все, знавшие о нем, но не знавшие его, считали, что мистер Букер достиг в жизни успеха. Держался он всегда бодро и в литературных кругах умел показать свою независимость. Впрочем, обстоятельства научили его не привередничать, и независимость была ему не по карману. Надо признать, что о литературной щепетильности он давно уже не вспоминал. Письмо № 2 было таким:

*Уэльбек-стрит
25 февраля 187...*

Любезный мистер Букер!

Я попросила мистера Лидхема — [мистер Лидхем был старшим партнером издательского дома «Лидхем и Лойтер»] — прислать Вам один из первых экземпляров моих «Преступных королев». Я уже договорилась с моим другом мистером Броном, что напишу для «Утреннего завтрака» обзор Вашей книги «Новая сказка бочки». Собственно, я уже приступила к этому обзору и прилагаю к нему большие усилия. Известите меня, если у Вас есть особые пожелания касательно того, как изложить Ваши взгляды на современный протестантизм. Буду признательна, если Вы напишете об исторической точности моих очерков, за которую я вполне ручаюсь. Не откладывайте свой обзор, поскольку продажи сильно зависят от раннего внимания прессы. Я получаю только роялти, а их начнут выплачивать лишь после того, как продадутся первые четыреста экземпляров.

*Искренне Ваша
Матильда Карбери*

*Альфреду Букеру, эсквайру, контора «Литературной хроники»
на Стрэнде*

Ничто в этом письме не шокировало мистера Букера. Он беззвучно хмыкнул при мысли, что леди Карбери станет излагать его взгляды на протестантизм, и подумал об исторических ошибках,

которыми наверняка изобилует ее книга. Мистер Букер не сомневался, что эта умная дама пишет о том, в чем ничего не смыслит. Тем не менее он прекрасно понимал, что благожелательный отзыв в «Утреннем завтраке» пойдет на пользу его чрезвычайно глубокому труду под названием «Новая сказка бочки», даже если выйдет из-под пера литературной шарлатанки, и готов был без всяких угрызений совести отплатить ей похвалами в «Литературной хронике». Он, вероятно, не станет говорить, что книга точна, но скажет, что это увлекательное чтение, что женские характеристики королев выписаны мастерски и что сочинение наверняка найдет дорогу в гостиные. Такая работа была ему не в новинку, и он умел отозваться о подобного рода опусах, не особо в них вникая. Он даже мог сделать это, не разрезая страницы, чтобы затем продать книгу как новую. Впрочем, мистер Букер был человек честный и постоянно боролся с литературными злоупотреблениями. Разгонистая печать, короткие строки и французская манера заполнять несколькими словами целую страницу — все это он обличал в самых суровых выражениях и слыл своего рода Аристидом между критиками. Однако житейские обстоятельства не позволяли ему во всем противиться обыкновениям своего времени. «Дурно, разумеется, это дурно, — сказал он как-то молодому другу, работавшему с ним в газете. — Кто сомневается? Сколько всего дурного мы делаем! Но если мы попытаемся разом исправить все, в чем поступаем дурно, то никогда не сделаем и ничего хорошего. Я не в силах изменить мир, и сомневаюсь, что вам это по силам». Так-то был мистер Букер.

Было еще письмо № 3, мистру Фердинанду Альфу. Мистер Альф был главным редактором и, по слухам, почти единоличным хозяином «Вечерней кафедры», которая в последние годы сделалась «выгодным дельцем», как выражаются в кругах, связанных с прессой. «Вечерняя кафедра» ежедневно сообщала читателям, что сказали и сделали к двум часам дня все видные люди столицы, и с поразительной точностью предрекала, что они скажут и сделают в следующие двенадцать часов. Все это преподносилось тонном вездесущего всеведения, и зачастую трудно было сказать, чего в этом больше — наглости или невежества. Но писали авторы «Кафедры» хорошо. Факты, если и не соответствовали истине, были выдуманы очень ловко, а доводы восполняли недостаток логики своей соблазнительностью. Мистер Альф обладал счастли-

вым даром чувствовать, чего хотят его читатели, и так подавать сюжеты, чтобы чтение было приятным. «Литературная хроника» не имела определенного политического направления. «Утренний завтрак» был безусловно либеральным. «Вечерняя кафедра» много писала о политике, но твердо держалась своего девиза

*Nullius addictus jurare in verba magistri*¹

и пользовалась бесценной привилегией ругать все, что делает и та и другая сторона. Газета, желающая много зарабатывать, не должна тратить место в колонках и утомлять читателей похвалами чему бы то ни было. Панегирики всегда скучны — факт, который мистер Альф обнаружил и применил в деле.

Более того, мистер Альф обнаружил и другой факт. Хула из уст того, кто иногда хвалит, задевает лично, что порой опасно, а вот порицание со стороны тех, кто видит одни лишь недостатки, перестает быть обидным. Карикатурист, который рисует одни карикатуры, может уродовать чужие тела и лица сколько угодно. Это его ремесло, и оно требует пачкать все, к чему прикоснешься. Но если художник напечатает серию портретов, в которой два из десяти будут безобразны, он точно наживет двух врагов, если не больше. Мистер Альф не наживал врагов, ибо никого не хвалил и, насколько можно было судить по его газете, ничем не бывал доволен.

Лично мистер Альф был человек незаурядный. Никто не знал, откуда он взялся. Полагали, что по рождению он немецкий еврей, и некоторые дамы якобы улавливали в его речи легчайший иностранный акцент. Тем не менее все соглашались, что английским он владеет как природный англичанин. За последние года два он, как выражаются, «пошел в гору», и очень значительно. В трех-четырёх клубах его забаллотировали, но он добился избрания в два или три других, а о тех, которые его отвергли, говорил так, что все понимали — эти клубы замшелые, костные и отжившие свой век. Он постоянно намекал, что не водить знакомство с мистером Альфом и не понимать, что знакомство это весьма желательное, где бы мистер Альф ни родился и кем бы ни был раньше, — значит ничего не смыслить в жизни. И постепенно эти намеки так убедили

¹ «Не присягая на верность словам какого бы то ни было учителя» (лат.). Гораций. Послания, I, 1, 14.

всех вокруг, что мистер Альф сделался значительной фигурой в мире политики, словесности и моды.

Он был приятной наружности, лет сорока, но с манерами человека много моложе, худощавый, росту ниже среднего, с темно-каштановыми волосами, в которых, если бы не краска, проблескивала бы седина. Улыбка, постоянно игравшая на его правильном лице, могла бы показаться любезной, не противоречь ей цепкий холодный взгляд. Одевался мистер Альф с величайшей простотой и величайшей тщательностью, был холост, владел домом на Беркли-сквер, где давал превосходные обеды, и держал в Нортгемптоншире нескольких охотничьих лошадей. По слухам, «Вечерняя кафедра» приносила ему шесть тысяч фунтов в год, и тратил он из них примерно половину. Он был на дружеской ноге с леди Карбери, которая с неустанным рвением заводила и поддерживала полезные знакомства. Мистериу Альфу она написала следующее:

Любезный мистер Альф!

Откройте мне, кто написал разбор свежей поэмы Фицджеральда Баркера. Впрочем, я знаю, Вы мне не скажете. Я не припомню такой блистательной критики. Думаю, бедняга до осени не посмеет смотреть людям в глаза. Что ж, поделом ему! Я терпеть не могу тех якобы поэтов, которые пронырством и лестью делают своим книгам известность. Я не знаю никого, к кому свет был бы добрее, чем к Фицджеральду Баркеру, однако ни у кого эта доброта не доходит до того, чтобы прочесть его стихи.

Не удивительно ли, что некоторые приобретают славу популярного автора, не добавив отечественной литературе ничего достойного? Такая дутая слава создается неустанным самовосхвалением. Превозносить себя и выманивать похвалы у других — целая отрасль нового ремесла. Увы мне! Хотела бы я сыскать школу, где давали бы уроки такому бедному новичку, как я. Как ни противны мне подобные ухищрения и как ни восхищает меня упорство, с которым «Кафедра» им противостоит, я настолько нуждаюсь в поддержке моих скромных усилий и так тяжело и честно тружусь ради возможности получать доход от писательства, что, представься мне такая возможность, пожалуй, спрятала бы честь в карман, отбросила высокие чувства, говорящие, что похвалу нельзя покупать ни деньгами, ни дружбой, и унизилась бы до недостойного искательства, лишь бы сказать однажды с гордостью, что успешно обеспечиваю детей плодами своего пера.

Впрочем, я не дошла еще до такого падения и посему смело говорю Вам, что буду ждать, не с озабоченностью, а с глубоким интересом, что напишет «Кафедра» о моих «Преступных королевах». Я смею думать, что книга, пусть и написанная мной, сама по себе значительна и потому заслуживает некоторого внимания. Ничуть не сомневаюсь, что все мои неточности выставят напоказ, а мою самонадеянность заклеят позором, но, полагаю, обозреватель сможет засвидетельствовать, что очерки жизненны, а портреты прописаны основательно. По крайней мере, Вы не позволите сказать, что лучше бы я сидела дома и штопала чулки, как Вы отозвались недавно о бедной миссис Эффингтон Стаббс.

Я не видела Вас вот уже три недели. Каждый вторник у меня собираются вечером несколько друзей, — пожалуйста, загляните на следующей неделе или через неделю. И знайте, что никакая редакторская или критическая суровость не заставит меня встретиться Вас чем-либо, кроме улыбки.

*Искренне Ваша
Матильда Карбери*

Покончив с третьим письмом, леди Карбери откинулась в кресле и на мгновение-другое закрыла глаза, словно собиралась отдохнуть, но тут же вспомнила, что ее деятельная жизнь не допускает отдыха. Посему она схватила перо и принялась за следующие записки.

ГЛАВА II

Семейство Карбери

Некоторые сведения о самой леди Карбери и о ее обстоятельствах читатель получил из предыдущей главы, но кое-что еще нужно добавить. Она утверждала, что ее жестоко чернили, но притом показала себя женщиной, чьи слова не стоит принимать на веру. Если читатель не понял этого из ее писем трем редакторам, то письма эти были написаны впустую. Она заявила, что занялась писательством с благородной целью обеспечить детей. Как ни фальшивы были ее письма редакторам, как ни гнусна система, посредством которой она рассчитывала добиться успеха, как ни бесчестна готовность пресмыкаться, говоря о себе, она, в сущности, не лгала. Ее действительно несправедливо чернили. Она была предана детям — особенно одному из них — и готова была ради них трудиться до седьмого пота.

Она была вдовой некоего сэра Патрика Карбери, офицера, который много лет назад чем-то отличился в Индии, за что получил титул баронета. Он женился на молоденькой, будучи уже в летах, и, запоздало осознав, что совершил ошибку, принялся то баловать, то мучить жену. И в том и в другом он не знал меры. Чем леди Карбери никогда не грешила, так это и намеком на супружескую неверность, даже в мыслях. Когда она, очень хорошенькая восемнадцатилетняя девушка без гроша за душой, согласилась выйти за сорокачетырехлетнего мужчину с большим доходом, то сознательно отказалась от всякой надежды на любовь, какую описывают поэты и о какой почти все в юности мечтают. Сэр Патрик ко времени их женитьбы был лысый краснлицый толстяк, очень своевольный, щедрый, умный и подозрительный. Он умел управлять людьми. Он читал и понимал книги. В нем не было ничего низкого. У него были привлекательные качества. Его можно было полюбить, но он едва ли был создан для любви. Леди Карбери понима-

ла свое положение и твердо решила исполнять свой долг. Перед свадьбой она дала себе слово никогда не флиртовать — и никогда не флиртowała. Пятнадцать лет жизнь у нее была сносная — в том смысле, что леди Карбери могла ее сносить. Три или четыре года они прожили в Англии, потом сэра Патрик вернулся в Индию в новом, более высоком чине. Пятнадцать лет он был властным, часто жестоким мужем, но никогда не ревновал. У них родились мальчик и девочка, которых и мать, и отец чересчур баловали, только мать еще и старалась исполнять в их отношении свой долг, как его понимала. Однако она была с детства научена притворяться, и замужество как будто убеждало ее, что без притворства не обойтись. Мать ее убежала с любовником, и девочку перебрасывали от одного родственника к другому, так что временами ей грозила опасность вовсе остаться без попечения. Это воспитало в ней хитрость, расчетливость и недоверчивость. При всем том она была умна и среди невзгод своего детства набралась образования и манер. И она была очень хороша собой. Выйти замуж и располагать деньгами, честно исполнять свой долг, жить в большом доме и пользоваться уважением — вот чего она хотела, и в первые пятнадцать лет замужества ей это удавалось, несмотря на трудности. Леди Карбери могла улыбаться через пятнадцать минут после безобразной сцены. Муж даже распускал руки — и первым делом она думала, как это ото всех скрыть. В последние годы он слишком много пил, и она сперва как могла боролась со злом, а затем — употребляла все силы, чтобы скрыть последствия зла, но при этом хитрила, и лгала, и постоянно выкручивалась. Наконец, когда миновала ее первая молодость, она позволила себе завести друзей, и среди них был один мужчина. Если супружеская верность совместима с такой дружбой, если брак не требует от женщины отказываться от дружеских отношений со всеми мужчинами, кроме ее господина и повелителя, то леди Карбери не нарушила своих обетов. Однако сэра Патрик начал ревновать, говорил слова, которые она не могла снести, делал то, что она, при всей своей расчетливости, не могла стерпеть, — и леди Карбери с ним разъехалась. Впрочем, даже и тут она вела себя так осмотрительно, что в каждом предпринятом шаге могла доказать свою невиновность. Жизнь ее в то время для нашей истории не важна; довольно, чтобы читатель знал, за что ее чернили. Месяц-другой друзья сэра Патрика